

Воскресенская А.Э.

ПОКРОВ XVI ВЕКА НА РАКУ ПРЕПОДОБНОГО
АРСЕНИЯ КОНЕВСКОГО КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК,
МУЗЕЙНЫЙ ПРЕДМЕТ, МЕСТО ПАМЯТИ

Воскресенская, Анна Эрнстовна — магистр музеологии, директор, музей Коневского Рождество-Богородичного монастыря, Россия, Санкт-Петербург, konevitsa.museo@gmail.com.

Статья посвящена покрову на раку преподобного Арсения Коневского, который был пожертвован в основанную им обитель в 1551 г. Покров рассматривается в качестве места памяти братии Коневского монастыря согласно концепции, разработанной Пьером Нора. Анализируется роль памятника в формировании идентичности коневской братии. Вышитый на покрове текст дает основание предполагать, что спустя век после кончины (в XV в.) прп. Арсений Коневский уже почитался как общецерковный святой. В связи с тем, что значительная часть источников по истории Коневского монастыря утрачена, покров оказывается единственным материальным подтверждением этого положения. Таким образом, он сохранялся не только как исторический памятник, но и как документальное свидетельство почитания прп. Арсения Коневского. В статье приводятся версии о возможном месте создания покрыва, прослеживается его судьба. Упоминаний о нем вплоть до XIX в. не обнаружено, однако очевидно, что бытование покрыва было тесно связано с судьбой мощей прп. Арсения Коневского, а также других предметов, которые традиционно соотносятся с основателем Коневского монастыря. Таким образом, ранняя история покрыва восстанавливается методом аналогий. Судьба предмета в XIX–XX вв. исследуется по письменным источникам (как опубликованным, так и архивным), а также по фотографическим данным. В настоящее время покров сохраняется в музее Riisa (г. Куопио, Финляндия), где наряду с другими предметами из Коневского монастыря является одним из старейших экспонатов. Реплика покрыва экспонируется в музее Коневского монастыря.

Ключевые слова: Коневец, Коневский монастырь, преподобный Арсений Коневский, монастырский музей, покров, канонизация, мощи, рака.

THE 16th CENTURY ST. ARSENY KONEVSKY' SHRINE COVER
AS HISTORICAL SOURCE, MONUMENT, PLACE OF MEMORY

Voskresenskaya, Anna Ernstovna—M.A. in Museology, Director, Konevitsa Nativity Monastery Museum, Russian Federation, Saint-Petersburg, konevitsa.museo@gmail.com.

The article is devoted to the cover on the shrine of St. Arseny Konevsky, which was donated in 1551 to the Konevitsa monastery founded by him. The cover is considered as a place of memory of the monastic brethren according to the concept developed by Pierre Nora. The role of the cover in forming the identity of the Konevitsa brethren is analyzed. The text embroidered on the cover suggests that a century after his death (in the 15th century) St. Arseny Konevsky was already revered as a saint. Since a significant part of the historical sources of the Konevitsa monastery has been lost, the cover is the only material evidence of this position. Thus, it was preserved not only as a historical monument, but also as an evidence of the veneration

of St. Arseny Konevsky. The article gives versions about the cover possible place of creation and traces its fate. There is no mention of it until the 19th century, but it is obvious that the fate of the cover was closely connected with that of the relics of St. Arseny Konevsky, as well as other items associated with the founder of the Konevitsa monastery. Thus, the early history of the cover is reconstructed by analogy. The fate of the object in the XIX–XX centuries is investigated by written sources (both published and archival), as well as by photographic data. At present the cover is preserved in the RIISA museum (Kuopio, Finland) being among the oldest exhibits along with other items from the Konevitsa monastery. A replica of the shroud is on display in the Konevitsa Monastery Museum.

Key words: Konevitsa, Konevitsa monastery, st. Arseny Konevsky, monastery museum, cover, canonization, relics, shrine.

Перед любыми сообществами постоянно возникает проблема конструирования и сохранения идентичности. Сохранение памяти, являющейся ключевым параметром идентификации сообщества, особо важно для монастырей. Их характерной особенностью можно назвать преобладание значимости нематериального над материальным при тесном слиянии сакрального и бытового. Если в общем случае для сохранения монашества как сообщества существуют отделяющие его от прочего мира традиции (совместная молитва, принятие в братию через особый ритуал пострига, образ жизни, облачения), то для отдельных монастырей вопрос идентичности встает более остро. Обычно наиболее значимыми для ее формирования оказываются почитаемые в монастыре святыни, зачастую связанные с жизнью его основателя: мощи, чудотворные иконы, мемориальные предметы. Для Коневского Рождество-Богородичного монастыря главными святынями являются мощи основателя монастыря прп. Арсения Коневского и Коневская икона Божией Матери. В связи с эвакуацией монастыря вглубь Финляндии в 1940 г. предметы, связанные с жизнью основателя обители, в том числе и чудотворная икона, оказались за пределами России. В 1991 г. началось возрождение монастыря. К его 600-летию, которое отмечалось в 1993 г., первый настоятель возрождающейся обители архимандрит (ныне — епископ Кронштадтский) Назарий (Лавриненко), понимая значимость материальной памяти для обители, высказал надежду, что будут изданы акафист прп. Арсению и книга на русском языке по истории монастыря, а в нем самом появится список Коневской иконы Божией Матери и покров на раку прп. Арсения¹. Последнему предмету и посвящена данная статья. Ее целью является анализ покрова как одного из предметов, определяющих идентичность братии Коневского монастыря. Для этого исследуется происхождение покрова, восстанавливается вероятная история его бытования, выявляется важность данного памятника в вопросе канонизации прп. Арсения Коневского. Кроме того, поскольку и древний покров, и его современная реплика сохраняются в музейных коллекциях, они рассматриваются также в качестве музейных предметов с присущими им свойствами.

В связи с географическим расположением близ границ со Швецией/Финляндией Коневский монастырь, существующий на о. Коневец в Ладожском озере с 1393 г., трижды разорился, основная часть материального наследия, а также сведения об истории монастыря были утрачены. Исключением стали несколько вывезенных с острова предметов, среди которых оказался и покров, подаренный в обитель в 1551 г. Очевидная значимость предмета для обители подтверждается тем, что почти все издания² о Коневском монастыре

¹ Возрождение Коневской обители. СПб., 2005. С. 24.

² Исключение составляет издание: Виды и описания Коневского монастыря. СПб., 1876.

содержат упоминания о покрове. Первое из них встречается в 1817 г.³, затем в 1853 г. в сделанных свт. Игнатием Брянчаниновым описаниях монастыря⁴. Следующее упоминание о покрове опубликовано в историко-статистическом описании Коневского монастыря в 1869 г.⁵, в 1886 г. о покрове пишет архимандрит Пимен (Гаврилов)⁶. Вплоть до возобновления Коневского монастыря в 1991 г. упоминаний о нем на русском языке нет, но в книге на финском языке, посвященной монастырю, впервые приводится фотография покрова⁷. В дальнейшем упоминания и описания покрова приводятся в исследованиях по лицевому шитью, а также в литературе по истории Коневского монастыря⁸. Сам покров в настоящее время находится в постоянной экспозиции музея RIISA (г. Куопио, Финляндия) и доступен для внешнего осмотра.

Покров: общая характеристика и проблемы атрибуции

Покров представляет собой фрагмент шелковой ткани прямоугольной формы (129 на 257 см), по которому выполнена вышивка золотом, серебром и шелком (рис. 1). Подробное описание покрова приводит Е.Ю. Катасонова: «Покров шит по желтовато-зеленой шелковой ткани, сохранившейся фрагментарно. Кайма с надписью и орнаментальными полосами вышита по красному шелку. Мантия преподобного вышита красно-коричневой сканью, нижняя одежда синей сканью (шов — косой сканый), аналав и куколь шиты синим шелком, обувь — красным. Даже прикреп для нимбов использован тот же самый — ”ягодка двойная”»⁹. На нимбе преподобного закреплены декорирующие его подделочные камни: два голубых халцедона, шпинель, овальный гранат, а также два украшения из красного и зеленого стекла, окруженные мелким жемчугом¹⁰. Покров датируют XVI в., но вышивка и текст были перенесены на новую основу в XIX в.: «Фигура вырезана с древнего фона — красного шелка, сохранившегося под надписью и орнаментом на кайме, и переложена на белый узорчатый атлас XIX в.»¹¹. На вышивке изображен преподобный Арсений Коневский в полный рост. Святой облачен в схимническую одежду. В левой руке он держит свернутый свиток, а правой указывает на него. Лицо немного обращено вправо, глаза открыты, голова не покрыта. Е.Ю. Катасонова отмечает мастерство вышивальщицы, сумевшей передать живость облика святого. Вышивка лика сделана плотными стежками в одном направлении с притенениями по абрису лика, по

³ Мисаил (Орлов), Иларион (Кириллов). Историческое изображение о начале Коневския обители, о запусении, возобновлении, и о настоящем оной положении. СПб., 1817. С. 8–9.

⁴ Игнатий Брянчанинов, святитель. Археологическое описание древностей, найденных в 1853 году в монастырях Санкт-Петербургской епархии // Полное собрание творений святителя Игнатия Брянчанинова. М., 2006. Т. 3. С. 347.

⁵ Историко-статистическое описание Рождественского Коневского монастыря. СПб., 1869. С. 17–18.

⁶ Пимен (Гаврилов), архимандрит. Богородице-Рождественский Коневский монастырь. СПб., 2010. С. 83.

⁷ Konevitsan luostari. Helsinki, 1993. S. 93.

⁸ См., напр.: Kasanko M. Konevitsan luostarin historialliset vaihteet. Joensuu, 1992. S. 18; Pyhätkuvat. Kuopio, 1985. S. 68, 108; Reflections of the Imperial Court. Mementoes and Gifts of the Czars from the Monasteries of Ladoga Lake. Helsinki, 1989. P. 6, 24, 55; Берташ А., Арсений, иеромонах. Шесть столетий Рождество-Богородичного Коневского монастыря. СПб., 1993. С. 6.

⁹ Катасонова Е.Ю. Группа памятников новгородского лицезового шитья конца 1540–1560-х гг. // Убрус. Церковное шитье: история и современность. 2010. Вып. 13–14. С. 61.

¹⁰ Reflections of the Imperial Court... P. 55.

¹¹ Маясова Н.А. Светлица новгородской боярыни в Москве // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1985. М., 1987. С. 340.

краю белка и между веком и бровью. Н.А. Маясова отмечает, что графичность облика в большей степени характерна для произведений не середины, а начала XVI в.¹² Вокруг нимба вышита надпись: «Преподобный Арсений, старец Коневского монастыря». По наружному краю вокруг всего покрыва вышита надпись: «В лето при державе царства благочестивого царя и государя Иоанна Васильевича, всея России самодержца, и при господине Преосвященном архиепископе Феодосии богоспасаемых градов Великого Новгорода и Пскова, положен бысть на гроб преподобному отцу Арсению в обитель честного и славного Рождества Богородицы Коневского монастыря при игумене Пимене и яже о Христе братии в лето 7059. А положили покров сей царя и государя Великого дети боярские Михайло Козьмин сын Бровцин да Григорий Якимов сын Щетинин». В 1930-е гг. в музее Коневского монастыря рядом с самим покрывом была расположена табличка, на которую был скопирован текст вышивки, при этом год создания покрыва был отмечен не от сотворения мира, как на покрыве (рис. 2), а от Рождества Христова — 1551 г. (рис. 3).

Рис. 1 Покров на раку прп. Арсения, демонстрируемый братией монастыря у стен собора Рождества Пресвятой Богородицы. 1893 г. Архив музея Коневского монастыря

Рис. 2 Увеличенный фрагмент надписи, вышитой по кайме покрыва, с датой его создания

Что касается «положивших покров» детей боярских Бровцына и Щетинина, необходимо отметить, что само это понятие возникло в XV–XVI вв., когда присваивалось «всем членам упавших боярских родов»¹³. Михаил Кузьмич Бровцын был тысячником-городовым

¹² Там же.

¹³ Павлов-Сильванский Н.П. Служилые люди. Происхождение русского дворянства. СПб., 1898. С. 92.

2 статьи из Водской пятины Новгорода¹⁴, к которой относился и Коневский монастырь. В 7075 г. (1567 г.) он «находился воеводой в Ржеве-Заволочье»¹⁵. Бровцын упоминается также в Синодике опальных царя Ивана Грозного среди казенных в связи с делом боярина В.Д. Данилова¹⁶. Григорий Щетинин упоминается среди ярославских князей, в 1554–1555 гг. — «наместник в половине Кашина»¹⁷. А. Берташ¹⁸ считает, что Григорий Щетинин мог приходиться родственником старцу Феодосию Щетине, упомянутому в синодике Коневского монастыря¹⁹. Вопрос о взаимодействии детей боярских между собой требует дальнейшего изучения, однако очевидно, что земли, упомянутые в связи с именами Бровцына и Щетинина, выходят за пределы Приладожских и даже Новгородских. Упоминаний об их совместной службе, родственных связях и т.п. в настоящее время не выявлено.

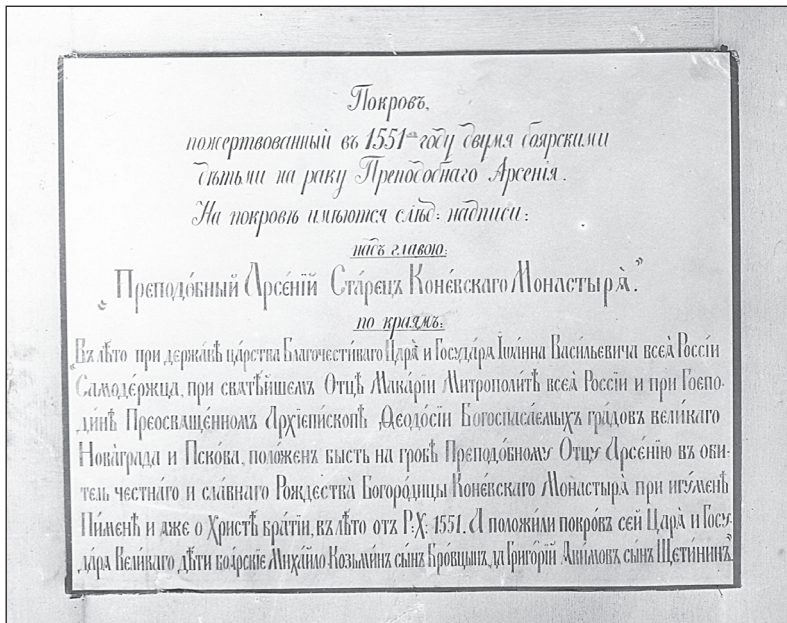

Рис. 3 Табличка с расшифровкой текста, вышитого по краю покрыва на раку прп. Арсения. 1893 г. Архив музея Коневского монастыря

Единства мнений относительно места создания покрыва нет. Финские специалисты, не предлагая аргументации, предполагают, что он мог быть создан в златошвейной мастерской княгини Ефросиньи Старицкой²⁰ — жены удельного князя Андрея Ивановича Старицкого, родного младшего брата Василия III. Н.А. Маясова, описывая подаренную

¹⁴ Корзинин А.Л. Государев двор в доопричный период (1550–1565 гг.). СПб., 2016. Т. 2. С. 161.

¹⁵ Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 225.

¹⁶ Катасонова Е.Ю. Группа памятников новгородского лицевого шитья конца 1540–1560-х гг. С. 85.

¹⁷ Корзинин А.Л. Государев двор в доопричный период (1550–1565 гг.). Т. 2. С. 253.

¹⁸ Берташ А., Арсений, иеромонах. Шесть столетий Рождество-Богородичного Коневского монастыря. С. 6.

¹⁹ Маштафаров А.В. Синодик Коневского Богородичного Рождественского монастыря XVI в. // Вестник церковной истории. 2014. № 3–4. С. 10.

²⁰ Reflections of the Imperial Court... P. 6.

Старицкими в Иосифо-Волоколамский монастырь в 1558 г. плащаницу, отмечает, что дату начала деятельности мастерской определить сложно. Она упоминает, что достоверно известно 12 работ этой мастерской, находящихся в настоящее время в различных хранилищах, а также 4 фрагмента утраченных произведений. Около 20 изделий известны только по документам. Как отмечает исследователь, «если учесть, что на создание “воздуха большого” 1558 г., первого датированного произведения мастерской, необходимо было не менее двух-трех лет, а к этому времени в мастерской сложились уже свои четко выраженные признаки, свой художественно-образный стиль, то следует предположить, что она работала уже несколько лет»²¹. Таким образом, нельзя отрицать возможность отнесения покровов прп. Арсения к произведениям мастерской Ефросиньи Старицкой, однако достоверных подтверждений этому на данный момент не существует.

Н.А. Маясова относит создание покровов к мастерской Настасьи Овиновой²². Вместе с мужем, новгородским боярином Иваном Захарьевичем Овиновым, Настасья переехала в Москву после присоединения Новгорода в 1478 г., т.е. и в этом случае местом создания покровов оказывается Москва. Впрочем, А.С. Петров предполагает, что Настасья Овинова могла быть москвичкой. Е.Ю. Катасонова высказывается о мастерской более обобщенно: «Существование целого ряда памятников, объединенных стилем, техникой исполнения и материалами, вложенных от имени разных лиц в новгородские монастыри и храмы, предполагает существование в это время в Новгороде крупной мастерской, исполнявшей заказы светских и духовных лиц»²³. А.С. Петров считает, что покров прп. Арсения Коневского «ни по характеру рисунка, ни по палеографии надписей не может быть сопоставлен с алтарным покровом 1514 г., единственным подлинно известным произведением “мастерской” Настасьи Овиновой»²⁴. Он придерживается точки зрения, что покров был создан в одной из новгородских мастерских, где было распространено почитание прп. Арсения. Таким образом, пока невозможно однозначно указать место создания покровов.

История покровов в контексте истории Коневского монастыря

Достоверных сведений о бытовании покровов в Коневском монастыре до начала XIX в. нет. Однако не вызывает сомнений, что его судьба тесно связана с мощами прп. Арсения Коневского. После кончины святой был погребен в паперти монастырского храма во имя Рождества Пресвятой Богородицы, им самим построенного. Обретение мощей, вероятно, произошло перед первым шведским разорением, случившимся в 1581 г. В «Историко-статистическом описании Коневского монастыря» упоминается, что «нетленные мощи Св. Арсения, бывшие до того на вскрытии, во время нападения шведов на Корельскую землю, братством положены были в землю под спуд в основании Церкви, близ западной стены ея, по левую сторону церковных входных дверей, как бы в залог обратного возвращения братии в монастырь и нового воссоздания обители»²⁵. Спустя 18 лет, в 1599 г. братия

²¹ *Маясова Н.А.* Вновь обретенный шедевр // Древнерусское художественное шитье. М., 1995. С. 43.

²² *Маясова Н.А.* Светлица новгородской боярыни в Москве. С. 340.

²³ *Катасонова Е.Ю.* Группа памятников новгородского лицевого шитья конца 1540–1560-х гг. С. 61.

²⁴ *Петров А.С.* Группа памятников новгородского шитья середины XVI века. К вопросу об атрибуции вышивок «мастерской Настасьи Овиновой» // Гос. историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль». Материалы и исследования. М., 2012. Вып. 21. С. 254.

²⁵ Историко-статистическое описание... С. 7.

вернулась на Коневец. Прошение царю Василию Шуйскому, в котором игумен Леонтий просит вновь разрешить поселиться в Деревяницком монастыре, датировано 7118 г. (1610), т.е. монастырь восстанавливался лишь в течение 10 лет. Вероятно, мощи прп. Арсения в тот период оставались под спудом; во всяком случае письменных свидетельств об их обретении не сохранилось. После второго исхода братии шведские войска заняли Коневец. Было принято решение о переносе мощей прп. Арсения Коневского в Деревяницкий монастырь. В 1673 г. царь Алексей Михайлович направил новгородскому воеводе грамоту, в которой сообщалось о согласии шведского короля передать мощи прп. Арсения в Новгород²⁶. Об их перенесении предписывалось срочно сообщить царю Алексею Михайловичу и патриарху Питириму. Однако документы, подтверждающие факт перенесения мощей, не выявлены. Свт. Игнатий Брянчанинов предполагает, что их отсутствие говорит о том, что перенесение мощей не состоялось²⁷. Уже в «Историко-статистическом описании Коневского монастыря» было рекомендовано провести дополнительные изыскания в архиве новгородской духовной консистории, а особо — в архиве Деревяницкого монастыря²⁸, но исследования результатов не принесли. Что же касается покрова, то его, как иконы и утварь (в отличие от мощей), скорее всего заблаговременно вывезли с острова. Известно, что ковш, по преданию, изготовленный из капа самим прп. Арсением Коневским, был украшен серебряной оправой с надписью: «Ковш Преподобного Отца Арсения Коневского, Монастыря Начальника, с Нева Езера, дан в Деревяницкий монастырь. А оправлен лета 1679 году, августа в 15 день при игумене Нефеалиме»²⁹, что с определенной достоверностью подтверждает эвакуацию предметов, связанных с памятью основателя обители.

Восстановление Коневского монастыря после победы над шведами началось в 1718 г. В 1762–1766 гг. на прежнем фундаменте был восстановлен собор во имя Рождества Пресвятой Богородицы. Н.Я. Озерецковский, посетивший Коневец в 1785 г., пишет: «В полукаменной оной церкви сооружена гробница над телом преподобного Арсения, Коневского чудотворца, который основал сию обитель»³⁰. В 1799 г. в Коневский монастырь из Деревяницкого возвращена чудотворная Коневская икона Божией Матери, принесенная прп. Арсением с Афона. Вероятно, к этому времени покров на раку прп. Арсения был также возвращен на Коневец. В 1800–1809 гг. на месте разобранного собора был выстроен новый.

В 1816 г. строитель Иларион³¹ установил раку над местом погребения мощей прп. Арсения. Судя по всему, она представляла собой трехчастную раку красного дерева, основание которой было покрыто иконной доской с изображением прп. Арсения в полный рост. Оно в значительной степени напоминало образ на покрове 1551 г. Сверху икона была покрыта серебряным окладом. После того, как в 1843 г. была сооружена новая рака, иконная доска из раки 1816 г. с изображением прп. Арсения была перенесена в угловую

²⁶ Грамоты монастырей Деревяницкого и Коневского // *Летопись занятий археографической комиссии*. СПб., 1868. С. 26.

²⁷ *Игнатий Брянчанинов, святитель*. Археологическое описание древностей, найденных в 1853 году в монастырях Санкт-Петербургской епархии. С. 355–356.

²⁸ *Историко-статистическое описание...* С. 16–17.

²⁹ Там же. С. 18.

³⁰ *Озерецковский Н.Я.* Путешествие по озерам Ладожскому и Онежскому. СПб., 1792. С. 42.

³¹ «До учреждения духовных в 1764 г. штатов настоятельство в Коневском монастыре было строительское, и по штатам в нем, яко безотчинном, таковое же положено». См.: *Амвросий (Орнатский), архим.* История Российской иерархии. М., 1812. Ч. IV. С. 628.

Никольскую церковь и помещена в отдельном киоте, в настоящее время икона считается утраченной.

В 1819 г. стараниями строителя Илариона по определению Святейшего Синода в церковные месяцесловы и книги впервые был включен день памяти прп. Арсения.

В 1843 г. игумен Амфилохий обустроил на прежнем месте новую раку. Рака была создана в мастерской петербургского мастера Федора Андреевича Верховцева (1804–1867). Вот как описывает раку прп. Арсения архимандрит Пимен: «На верхней доске ее во весь рост рельефно изображен Преподобный, на правой—его погребение, на левой—прибытие на Коневец, в ногах—отправление с Афонской горы и в головах—свиток с его биографией»³². Осенью 1939 г. серебряная рака вместе с другими предметами была эвакуирована с острова в г. Кякисалми (совр. Приозерск), затем в г. Куопио, некоторое время находилась в усадьбе Хиекка, где с лета 1940 г. до 1956 г. жила братия Коневского монастыря. Впоследствии рака была передана в Православный церковный музей (с 2014 г.—музей RIISA) в г. Куопио, где экспонируется и в настоящее время³³.

В начале XIX в. покров находился в Коневском монастыре. Об этом сообщает первое изданное описание обители, созданное строителем Иларионом и отредактированное монахом Мисаилом: «От кончины Святого Арсения обитель его до первого своего запустения существовала 132 года. Из сего периода времени остался и сохраняется здесь покров, некоторыми боярскими детьми данный на раку Преподобного»³⁴. При описании раки прп. Арсения покров не упоминается, вероятно, в это время он уже находился в монастырской ризнице. В 1853 г. его описание было сделано свт. Игнатием Брянчаниновым. Он приводит текст надписи, идущей вокруг покрова, отмечая, что «надписи сделаны старинным славянским письмом, с сокращениями и титлами»³⁵. Похожее описание содержится в описании монастыря 1869 г. с выводом: «Этот памятник древности свидетельствует, что Преподобный Арсений в то время Российской церковью причислен был уже к лику святых угодников Божиих»³⁶. При архимандрите Пимене в 1886 г. покров пребывал в монастырском соборе в ризнице: «В ней обращают на себя благоговейное внимание древние святыни: крест деревянный, обложенный серебром, со святыми мощами “Начальника Арсения да игумена Иоанна”; деревянный ковш, оправленный в серебро, бывший в употреблении у Преподобного Арсения, Коневского чудотворца, и покров на раку Преподобного, пожертвованный в 1551 году»³⁷. Таким образом, в XIX в. покров утратил свое практическое назначение и сохранялся как историческое свидетельство. В 1893 г. праздновалось 500-летие обители, был сделан большой корпус фотографий (мастерская К. Буллы), среди которых оказались фото покрова прп. Арсения Коневского и таблички, на которой был расшифрован вышитый по краю покрова текст (рис. 1, 3). В 1934 г. в Коневском монастыре игумен Маврикий учредил монастырский музей, который располагался в угловой Никольской церкви. В ее западном притворе выделили большой стол для экспонирования покрова прп. Арсения (рис. 4).

³² Пимен (Гаврилов), архимандрит. Богородице-Рождественский Коневский монастырь. С. 81.

³³ Согласно музейному описанию, рака имеет инвентарный номер ОКМ 392, старый номер—KL N 695, дата передачи не указана, причина передачи—эвакуация.

³⁴ Мисаил (Орлов), Иларион (Кириллов). Историческое изображение о начале Коневския обители, о запустении, возобновлении, и о настоящем оной положении. С. 8.

³⁵ Игнатий Брянчанинов, святитель. Археологическое описание древностей, найденных в 1853 году в монастырях Санкт-Петербургской епархии. С. 347.

³⁶ Историко-статистическое описание... С. 18.

³⁷ Пимен (Гаврилов), архимандрит. Богородице-Рождественский Коневский монастырь. С. 83.

Рис. 4 Покров на раку прп. Арсения с табличкой, расшифровывающей текст с покрыва на раку прп. Арсения, экспонируемые в музее Коневского монастыря между 1934 и 1939 гг. Фото из архива Ново-Валаамского Спасо-Преображенского монастыря

После начала Советско-финляндской (Зимней) войны для эвакуации на материк были подготовлены наиболее ценные предметы из монастырского музея и ризниц общим объемом в 24 ящика. На первом листе «Описи церковному имуществу Коневского монастыря, эвакуированному вследствие военных действий в г. Куопио 11/XII 1939 г.»³⁸ (Национальный архив Финляндии, до 2017 г. — Провинциальный архив г. Миккели, Финляндия) указано: «Ведомость церковных вещей, отправленных ввиду опасности от военных событий, во внутрь страны, в город Куопио, при сопровождении эконома означенного монастыря, иеромонаха Неофита, 11/XII 1939 года, для сдачи на хранение в Православный Храм, во имя Святителя Николая Чудотворца, в ведение настоятеля сего храма, священника о. Василия Хоккинена». Далее перечисляется имущество по ящикам. В ящике № 14 среди прочего числятся серебряная рака прп. Арсения работы Ф.А. Верховцева и царский покров на раку преподобного. Благодаря эвакуации упомянутые предметы были сохранены. В настоящее время покров экспонируется в музее RIISA³⁹ (рис. 5).

Коневский Рождество-Богородичный монастырь начал восстанавливаться в 1991 г. В том же году были обретены мощи прп. Арсения Коневского. Они находились в склепе под тем местом, где традиционно стояла рака преподобного, склеп был засыпан строительным мусором⁴⁰. В монастыре в 1992 г. изготовили простую деревянную раку, для которой лицевым шитьем был вышит новый покров, причем композиция и облик прп. Арсения повторяли покров 1551 г. В 1998 г. рака в храме была заменена новой резной

³⁸ Kansallisarkisto, Konevitsan luostarin arkisto № II Вс.

³⁹ Инвентарный номер ОСМ 391.

⁴⁰ Подробнее рассказ об обретении мощей см. в: Житие преподобного Арсения Коневского чудотворца. СПб., 2002. С. 6–8.

с ростовым изображением прп. Арсения Коневского, а покров был перемещен в настоятельские покои, откуда в 2020 г. передан в музей. Мощи святого заключены в деревянный ларец, располагающийся внутри раки. Традиции укрывать ее покровом в настоящее время не существует.

Рис. 5 Покров на раку прп. Арсения, экспонируемый ныне в музее RIISA (г. Куопио, Финляндия). 2019 г. (Фото автора)

Покров как музейный предмет

Покров прп. Арсения Коневского в настоящее время является музейным предметом и в качестве такового обладает характерными свойствами, а именно информативностью, репрезентативностью, экспрессивностью и аттрактивностью. Первые два свойства покрыва, т.е. его способность являться источником информации и достоверно отразить эпоху, в значительной степени были проанализированы выше. Остановимся подробнее на двух последних свойствах, т.е. на способности к эмоциональному воздействию и внешней привлекательности.

В современной экспозиции музея RIISA покров XVI в. располагается в зале, посвященном царским дарам, сделанным в разные периоды преимущественно в Валаамский монастырь. Кроме покрыва, в нем представлены облачения, иконы, богослужебные предметы, фуражка и перчатки Александра II, бывшие на императоре в момент смертельного покушения на него, — т.е. совершенно разнородные предметы. Для покрыва выделена отдельная витрина, в которой покров помещен таким образом, как если бы он покрывал раку, что напоминает о его первоначальном функциональном назначении. Среди прочих предметов покров сразу привлекает внимание — в первую очередь за счет большого размера и необычного (под косым углом) расположения. Два фактора, которые удерживают внимание на предмете, — полноразмерная фигура человека в монашеском облачении и яркая, с преобладанием красного окраска ткани. Вероятно, высота изображения

прп. Арсения приблизительно соответствует его росту, определенному в 1998 г. при экспертизе мощей как «не менее 161 см и наиболее вероятно в интервале средней ростовой группы (160.0–169.9 см)»⁴¹. Посетитель также имеет возможность рассмотреть детали вышивки, выразительность лика прп. Арсения, сложный орнамент текста. В целом можно сказать, что покров соразмерен человеку, внешне он лишен величия, характерного для предметов более поздних периодов. Так, покров прп. Арсения находится рядом с богато декорированным золотом покровом вишневого бархата на раку преподобных Сергия и Германа Валаамских, который был создан для Валаамского монастыря с использованием коронационной парчи. Однако несмотря на такое соседство, аттрактивность покрыва прп. Арсения не снижается. Экспозиция в целом подчеркивает высокую значимость предмета. Однако отделение покрыва от остальных предметов, которые относились к жизни прп. Арсения Коневского, а также связанных с историей обители, несколько снижает его экспрессивность. Такой же эффект дает непростой для восприятия этикетаж. Экспонирование в финском музее множества предметов, происходящих из русских монастырей, сопряжено с необходимостью объяснять множество важных для понимания деталей. Поэтому музей RIISA отказался от этикеток близ каждого предмета. Вместо этого в каждом зале оборудована стойка с информационными листами на разных языках. Это позволяет увеличить объем данных о каждом предмете, но одновременно создает и неудобство, связанное с выбором необходимого листа и отсутствием сквозной нумерации. Расшифровка вышитого текста в этикетаже отсутствует.

В музее Коневского монастыря, который существовал на острове Коневец с 1934 по 1939 гг., покров также экспонировался в горизонтальном положении на большом столе и был доступен для обзора с трех сторон. В ногах покрыва находилась табличка с расшифровкой текста вышивки. Музейный предмет находился в западном притворе Никольской церкви, напротив входа⁴². Таким образом, осмотр экспозиции музея фактически начинался именно с него. Возвращаясь после осмотра основного зала и познакомившись с предметами, которые были связаны с историей монастыря и его основателем, посетители имели возможность вернуться к осмотру покрыва уже не только как художественного произведения, к чему располагало соседство с другими текстильными предметами, но именно как одного из средоточий истории обители. Таким образом, включенность в рассказ об истории монастыря и его основателе повышала степень экспрессивности предмета. Отсутствие защитного стекла с одной стороны представляло угрозу для сохранности предмета, с другой стороны давало возможность особо тесного индивидуального контакта.

Реплика покрыва экспонируется в музее Коневского монастыря, располагаясь вертикально на стене зала, который посвящен прп. Арсению Коневскому. Покров имеет размер 115 на 245 см и натянут на деревянную раму. В целом композиция повторяет древний покров, однако текст по кайме вышит другой: «Аще пребудете в законе Господне, то не оскудеет обитель сия и Матерь Божия покровительницею ея будет. Преподобне отче наш Арсение, моли Бога о нас». Эти слова являются краткой интерпретацией прощальных слов прп. Арсения, сказанных братии перед его кончиной⁴³. Над нимбом святого жемчугом вышито его имя: «Прпд. Арсений Коневский» (рис. 6).

⁴¹ Музей Коневского монастыря. Заключение № 208-к комиссионной судебно-медицинской экспертизы. С. 9.

⁴² Воскресенская А.Э. Музей Коневского Рождество-Богородичного мужского монастыря в 30-е годы XX века // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2019. № 1 (25). С. 142.

⁴³ Житие преподобного Арсения... С. 56–57.

Рис. 6 Воспроизведение покрыва 1551 г., созданное в 1993 г., экспонируется в музее Коневского монастыря. 2020 г. (Фото автора)

Рядом помещена фотография древнего покрыва, дающая посетителю возможность сравнить два предмета. В центре зала располагается рака, созданная в обители в 1992 г., для которой и был создан данный покров. Кроме того, в зале располагается список Коневской иконы Божией Матери, судьба которой связана с жизнью прп. Арсения, а также живописные полотна, повествующие о его земной жизни, и рассказ о прочих коневских святых. Таким образом, реплика покрыва с одной стороны отсылает посетителя к XVI в., когда в обитель был подарен покров на раку, с другой—повествует о первых годах восстановления монастыря, когда несмотря на все трудности в обители было возрождено почитание ее основателя. Кроме того, сравнение нового покрыва и фотографии древнего напоминает посетителю о его истории в 1930-е гг., о сложной истории приладожских земель, о неразрывной связи любого монастыря с историей и политикой государства. Таким образом, особенности экспонирования покрыва в незначительной степени влияют на привлекательность предмета, но весьма изменяют акценты его восприятия и связанный с ним ассоциативный ряд. Окружение покрыва предметами, также связанными с Коневским монастырем, объединяет его с долгой историей обители, что взаимно усиливает их воздействие на посетителя.

Покров как исторический источник: проблема канонизация прп. Арсения Коневского

Рассмотрев историю покрыва, обратимся к вопросу его значимости для истории канонизации прп. Арсения. Видный историк Церкви Е.Е. Голубинский, посвятивший особое исследование вопросам канонизации святых, пишет о связи между канонизацией и обретением мощей: «Одни святые были канонизированы до открытия мощей, другие были канонизированы спустя то или другое время после открытия мощей, третьи были

канонизированы непосредственно вслед за открытием мощей. Есть еще четвертый, и наиболее многочисленный, класс святых, мощи которых не были открываемы⁴⁴. Исследователь подчеркивает, что значимость имело не обретение мощей или их отсутствие, а чудотворения, происходящие от того или иного святого. В случае с прп. Арсением Коневским часть его чудотворений описывается в Житии преподобного⁴⁵, причем в конце текста упоминается, что «было много и других чудес преподобного старца Арсения, но до сих пор их никто не записывал»⁴⁶.

Присланный в 1551 г. в Коневскую обитель покров мог быть связан с обретением мощей прп. Арсения (как уже упоминалось, они некоторое время в течение XVI в. пребывали открытыми), однако достоверно этот факт не может быть подтвержден. В то же время само существование покрова однозначно говорит о том, что преподобный Арсений Коневский в середине XVI в. уже был прославлен в чине преподобных.

Е.Е. Голубинский отмечает, что существовали три категории почитания святых по «территории»: местные, которым назначалось празднование только в самом месте погребения; местные, которым назначалось празднование в своей епархии, и общецерковные⁴⁷. Местная канонизация производилась по решению епархиального архиерея, общецерковная — по решению патриарха. Необходимым признавалось наличие жития святого, а также наличие службы ему⁴⁸. В комментариях к «Житию прп. Арсения Коневского» А.Г. Бобров и Н.А. Охотина-Линд высказали предположение, что оно могло быть написано вскоре после его кончины. В качестве вероятного автора упоминается коневский игумен Варлаам, современник царя Ивана Грозного. Однако комментаторы приводят доводы в пользу авторства «честного мужа Варлаама Коневского»⁴⁹, который выдвигался кандидатом в архиепископы Великого Новгорода в 1458 г., после смерти Евфимия. Авторы отмечают, что указанные в житии исторические реалии достоверны и скорее могли быть описаны современниками прп. Арсения, чем спустя более века после его кончины. Таким образом, мы можем считать, что житие прп. Арсения в XVI в. уже было создано. Что касается существования службы прп. Арсению Коневскому, то в настоящее время о ней ничего не известно, т.к. в связи с троекратным разорением Коневского монастыря его архив был почти полностью уничтожен. К сожалению, сведения даже о событиях, весьма значимых для Коневской обители, не дошли не только до нашего времени, но и до XIX в. Так, например, установленное в 1819 г. празднование Коневской иконе Божией Матери совершается 10 (23) июля в связи с тем, что в 1576 г. от иконы произошло некое чудесное событие, но в чем именно оно состояло — неизвестно⁵⁰.

Е.Е. Голубинский упоминает прп. Арсения Коневского под номером 95 среди святых, время канонизации которых неизвестно⁵¹. При этом он отмечает, что «в святцах следованной псалтири шесть лишних святых против устава, в святцах служебника — пять лишних святых и в святцах требника четыре лишних против него святых. Лишние святые следованной псалтири суть: четыре старые: 24 Сентября Никандр Псковский, 12 Июня Арсений Коневский и 28 Июля Сергей и Герман Валаамские, и два новые, до

⁴⁴ Голубинский Е.Е. История канонизации святых в Русской Церкви. М., 1903. С. 518.

⁴⁵ Житие преподобного Арсения... С. 58–60.

⁴⁶ Там же. С. 60.

⁴⁷ Голубинский Е.Е. История канонизации святых в Русской Церкви. С. 40.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Житие преподобного Арсения... С. 62.

⁵⁰ Коневский Рождество-Богородичный мужской монастырь... С. 36.

⁵¹ Голубинский Е.Е. История канонизации святых в Русской Церкви. С. 149.

сих пор еще не внесенные в устав: 26 Ноября Иннокентий Иркутский и 13 Августа Тихон Задонский⁵². Автор сообщает, что ничего не может сказать о причинах внесения четырех старых святых в святцы. Между тем указом Святейшего Синода от 24 октября 1819 г. (он хранился в монастырском архиве под номером 2247) в церковные месяцесловы и книги были внесены день памяти прп. Арсения Коневского (12 июня) и Коневской иконы Божией Матери (10 июля)⁵³. Тем не менее, в изданиях второй половины XIX в. встречаются и другие данные: М.В. Толстой отмечает, что память прп. Арсения празднуется в день его преставления 9 сентября⁵⁴, а в «Сводном иконописном подлиннике XVIII в. по списку Г. Филимонова» память прп. Арсения помечена 8 сентября⁵⁵. Служба прп. Арсению Коневскому составлена в 1815 г. строителем Иларионом, который в прошении Синоду мог подтвердить древность почитания основателя обители пожертвованным покровом. Текст, вышитый по кайме, содержит дату создания покрова—1551 г., а вышивка вокруг нимба—указание на причисление основателя Коневского монастыря к сонму преподобных: «Преподобный Арсений, старец Коневского монастыря».

Покров как место памяти братии Коневского монастыря

Значимость покрова XVI в. для Коневского Рождество-Богородичного монастыря всегда осознавалась монастырской братией, предметы, связанные с памятью прп. Арсения Коневского тщательно сохранялись, консолидируя коневскую братию даже в годы, когда монахи вынуждены были покинуть остров. Таким образом, к покрову можно приложить понятие места памяти.

Концепция мест памяти была разработана французским историком Пьером Нора в исследовании «Франция-память». Ключевой идеей этого масштабного проекта стала связь между национальной идентичностью и памятью. При этом исследователь проводит разграничение между памятью и историей: «В отличие от истории память—это эмоциональное переживание, связанное с реальным или воображаемым воспоминанием и допускающее всевозможные манипуляции, изменения, вытеснения, забвения»⁵⁶. Память всегда остается актуальной, в отличие от истории, являющейся скорее интеллектуальным построением. Однако в связи с социальными изменениями, исчезновением ряда социальных групп, являвшихся носителями коллективной памяти, исчезает и сама память. Ее исчезновение парадоксальным образом вызывает обостренный интерес к памяти, попытки сгладить ощущение ее разорванности. Стремление компенсировать утрату вызывает к существованию «места памяти». Впрочем, несмотря на название, Нора не имеет в виду место как географическую локацию, относя к местам памяти «музеи, архивы, кладбища, коллекции, праздники, годовщины, трактаты, протоколы, монументы, храмы, ассоциации»⁵⁷, именно в них потребность в «непрерывности находит свое убежище»⁵⁸. Функцией мест памяти является остановка времени, блокирование работы забвения, материализация нематериального и заключение «максимума смысла в минимум знаков»⁵⁹.

⁵² Там же. С. 254.

⁵³ *Пимен (Гаврилов), архимандрит*. Богородице-Рождественский Коневский монастырь. С. 60.

⁵⁴ *Толстой М.В.* Книга глаголемая Описание о российских святых, где и в котором граде или области или монастыре и пустыни поживе и чудеса сотвори, всякого чина святых. М., 1887. С. 43.

⁵⁵ Сводный иконописный подлинник XVIII в. по списку Г. Филимонова. М., 1874. С. 32.

⁵⁶ *Нора П.* Франция-память. СПб., 1999. С. 75.

⁵⁷ Там же. С. 26.

⁵⁸ Там же. С. 17.

⁵⁹ Там же. С. 41.

Концепция Нора была разработана как новый подход к формированию национальной идентичности, но в то же время она применима и к сообществу любого другого масштаба, ведь места памяти поддерживают вовлеченные в процесс трансформации и обновления сообщества. Особенно значимо существование мест памяти в период перемен, катаклизмов, когда единственным надежным ориентиром представляется прошлое. В этом случае именно места памяти способны создавать подобные ориентиры, что позволяет сообществу консолидироваться и обращать представление о ценностях в будущее.

Говоря о местах памяти, Нора характеризует их тремя обязательными смыслами — материальным, функциональным и символическим. Эти три аспекта всегда сосуществуют, хотя в разной степени. В качестве примеров автор приводит архивное хранилище, которое не станет местом памяти, пока не получит символического смысла, и школьный учебник или завещание, входящие в рассматриваемую категорию на основании того, что они являются объектом ритуала. Символический уровень является наиболее значимым.

Рассмотрев покров как материальный объект, как исторический источник и как музейный предмет, мы обозначили его материальный и функциональный уровни. При этом покров на раку прп. Арсения обладает и той «символической аурой»⁶⁰, о которой говорит Нора. Не являясь предметом церковного ритуала, даже в первоначальном функциональном значении, в качестве собственно покрывала, предмет становился ритуальным. Отчасти, будучи тесно связанным со святыней в материальном, пространственном смысле, он включался в число предметов, сопряженных с почитаемым основателем обители. Этому же способствовало иконографическое вышитое на нем изображение. Вероятно, значимость покрову придавала и история его появления в обители. Таким образом, выполняются три «формальных» условия включения покрывала в ряд мест памяти обители. Однако выполнял ли покров как место памяти функцию консолидации монастырского сообщества? Правильным представляется положительный ответ.

Можно говорить о покрове как факторе, объединяющем братию Коневского монастыря, в разных аспектах. Так, на покрове вышито имя одного из настоятелей обители, при котором он был создан, — игумена Пимена. Никаких других источников, расширяющих информацию о нем, в настоящее время не выявлено. Однако благодаря покрову имя игумена Пимена поминается в монастыре в ежедневной церковной молитве. В православной традиции полнота Церкви состоит как из живущих ныне, так и из уже умерших. Являясь источником информации, покров связывает видимое с невидимым, торжествующую Церковь, т.е. закончивших земную жизнь людей, с Церковью странствующей, состоящей из ныне живущих. Таким образом, покров соединяет собой те разрывы, о которых говорил Нора, обеспечивая целостность братии во времени.

Не менее значимым является и тот факт, что покров является старейшим из сохранившихся изображений прп. Арсения. Оно вполне соответствует описанию облика Преподобного: «Подобием сед, брада аки Сергиева, потупя, риза поповская»⁶¹. Можно сказать, что им открывается тип иконографических изображений прп. Арсения. Для монастырской братии икона служит, говоря современным языком, способом коммуникации со святым, линзой, фокусирующей направление молитвы.

Отметим, что в периоды исхода коневской братии с острова предметы, которые монахи забирали с собой, в прямом смысле служили источниками идентификации братии как в новгородском Деревяницком монастыре, где дважды пережидались шведские

⁶⁰ Там же. С. 40.

⁶¹ Сводный иконописный подлинник... С. 32.

разорения, так и на материковой территории Финляндии, где братия проживала с марта 1940 г. после эвакуации с острова. В первую очередь это касалось Коневской иконы Божией Матери, которую, согласно традиции, прп. Арсений принес с Афона в 1393 г. Однако то, как любовно был украшен ковш из капа, изготовленный самим основателем монастыря, говорит о том, что ценность прочих предметов также осознавалась братией. Украшение ковша происходило 15 августа 1679 г., согласно надписи на серебряном обрамлении: «Ковш Преподобного Отца Арсения Коневского, Монастыря Начальника, с Нева Езера, дан в Деревяницкий монастырь. А оправлен лета 1679 году, августа в 15 день при игумене Нефеалиме»⁶². Едва ли в это время оставался в живых кто-либо из братии, ушедшей с Коневца почти 70 лет назад, в 1610 г. Именно сохранение братией идентификации посредством мест памяти позволило возродить островную обитель после векового запустения, в 1718 г.

В начале Зимней войны, в декабре 1940 г., наиболее значимые предметы вновь покинули остров (Коневская икона Божией Матери была вывезена братией во время эвакуации 12 марта 1940 г.) и по сей день находятся в Финляндии. Это затрудняет непосредственный контакт братии с местами памяти. Однако можно говорить и о положительных аспектах такого отдаления. Нередко бывает так, что значимость предмета в полной мере осознается только при его утрате. В рассматриваемом случае эвакуированное имущество было спасено от уничтожения, а чувство утраты должно лишь способствовать его верной оценке. При этом географически происходит расширение «территории памяти», и отныне история Коневского монастыря навсегда связана и с усадьбой Хиекка, и с Ново-Валаамским монастырем. Такая экспансия позволяет расширить круг людей, для которых важны места памяти коневской братии. Это еще одна возможность сблизить, сплотить людей, что представляется крайне важным в современном мире.

Итак, покров на раку прп. Арсения Коневского, подаренный в обитель в 1551 г., является основным материальным свидетельством древности почитания преподобного. Несмотря на то, что в течение значительного периода истории монастыря сведения о покрове отсутствуют, очевидно, что он сохранялся братией наряду с другими предметами, относимыми к жизни прп. Арсения.

В течение XX и XXI вв. покров являлся музейным экспонатом, что говорило не только о его значимости, но и о готовности монастыря познакомить своих посетителей с его историей. Реставрация покрыва в XIX в., а также эвакуация в числе наиболее важных для обители предметов подчеркивают осознание братией ценности предмета. Покров является старейшим сохранившимся изображением преподобного Арсения. Он также является материальным подтверждением ранней канонизации этого святого. В качестве музейного предмета покров 1551 г. также обладает огромной ценностью. Возможно, дальнейшие исследования позволят с большей достоверностью определить место создания покрыва. Изучение архивов, не связанных непосредственно с Коневским монастырем, также может принести дополнительную информацию об истории покрыва.

Список литературы

Арсений, иеромонах, Берташ А. Шесть столетий Рождество-Богородичного Коневского монастыря. СПб.: Коневский монастырь, 1993. 48 с.

Возрождение Коневской обители. СПб.: Издательство LOGOS, 2005. 111 с.

⁶² Историко-статистическое описание... С. 18.

Воскресенская А.Э. Музей Коневского Рождество-Богородичного мужского монастыря в 30-е годы XX века // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2019. № 1 (25). С. 134–154.

Житие преподобного Арсения Коневского чудотворца. СПб.: Бельведер, 2002. 76 с.
Игнатий Брянчанинов, святитель. Археологическое описание древностей, найденных в 1853 году в монастырях Санкт-Петербургской епархии // Полное собрание творений святителя Игнатия Брянчанинова. М.: Паломник, 2006. Т. 3. С. 303–366.

Катасонова Е.Ю. Группа памятников новгородского лицевого шитья конца 1540–1560-х гг. // Убрус. Церковное шитье: история и современность. 2010. № 13–14. С. 46–89.

Коневский Рождество-Богородичный мужской монастырь. Двадцать лет возрождения. Остров Коневец: [Б. и.], 2011. 199 с.

Корзинин А.Л. Государев двор в доопричный период (1550–1565 гг.). СПб.: Альянс-Архео, 2016. Т. 2. 711 с.

Маштафаров А.В. Синодик Коневского Богородицкого Рождественского монастыря XVI в. // Вестник церковной истории. 2014. № 3–4 (35–36). С. 5–30.

Маясова Н.А. Вновь обретенный шедевр // Древнерусское художественное шитье. М.: Авангард, 1995. С. 39–53.

Маясова Н.А. Светлица новгородской боярыни в Москве // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1985. М.: Наука, 1987. С. 330–344.

Нора П. и др. Франция-память. СПб.: Издательство СПбГУ, 1999. 328 с.

Петров А.С. Группа памятников новгородского шитья середины XVI века. К вопросу об атрибуции вышивок «мастерской Настасьи Овиновой» // Гос. историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль». Материалы и исследования. М.: Московский Кремль, 2012. Вып. 21. С. 251–264.

Пимен (Гаврилов), архимандрит. Богородице-Рождественский Коневский монастырь. Описание. СПб.: [Б. и.], 2010. 88 с.

Разрядная книга 1475–1598 гг. М.: Наука, 1966. 614 с.

Kasanko M. Konevitsan luostarin historialliset vaihteet. Joensuu: Ortokirja, 1992. 64 s.

Konevitsan luostari. Helsinki: [without name of publisher], 1993. 111 s.

Ryhät kuvat. Ortodoksinen kirkkomuseon taidearteita. Kuopio: Kustannuskiila OY, 1985. 124 s.

Reflections of the Imperial Court. Mementoes and Gifts of the Czars from the Monasteries of Ladoga Lake. Helsinki: PunaMusta, 1989. 77 p.

References

Arsenij, ieromonah, Bertash, A. *Shest' stoletij Rozhdestvo-Bogorodichnogo Konevskogo monastyrja* [Six Centuries of Konevitsa Nativity Monastery]. Saint-Petersburg: Konevskij monastyr' Press, 1993. 48 p. (In Rus.).

Ignatij Brjanchaninov, svjatitel'. Arheologicheskoe opisanie drevnostej, najdennyh v 1853 godu v monastyryjah Sankt-Peterburgskoj eparhii [Archaeological Description of Antiquities Found in 1853 in Monasteries of the Diocese of St. Petersburg], in *Polnoe sobranie tvorenij svjatitelja Ignatija Brjanchaninova*. Moscow: Palomnik Press, 2006. Vol. 3. P. 303–366. (In Rus.).

Kasanko, M. *Konevitsan luostarin historialliset vaihteet*. Joensuu: Ortokirja, 1992. 64 p. (In Fin.).

Katasonova, E.Ju. Grupa pamjatnikov novgorodskogo licevogo shit'ja konca 1540–1560-h gg. [A group of monuments of Novgorod face embroidery from the late 1540th–1560th], in *Ubrus. Cerkovnoe shit'e: istorija i sovremennost'*. 2010. Vol. 13–14. P. 46–89. (In Rus.).

Konevitsan luostari. Helsinki: [without name of publisher], 1993. 111 p. (In Fin.).

Konevskij Rozhdestvo-Bogorodichnyj muzhskoj monastyr'. *Dvadcat' let vozrozhdenija* [Konevitsa Nativity Monastery. Twenty Years of Revival]. Konevets Island: [without name of publisher], 2011. 199 p. (In Rus.).

Korzinin, A.L. *Gosudarev dvor v dooprichnyj period (1550–1565 gg.)* [The sovereign's court in the pre-Oprichnina period (1550–1565)]. Saint-Petersburg: Al'jans-Arheo Press, 2016. Vol. 2. 711 p. (in Rus.).

Majasova, N.A. Svetlica novgorodskoj bojaryni v Moskve [Chamber of Novgorod boyarina in Moscow], in *Pamjatniki kul'tury. Novye otkrytija. Ezhegodnik. 1985*. Moscow: Nauka Press, 1987. P. 330–344. (In Rus.).

Majasova, N.A. Vnov' obretennyj shedevr [A newfound masterpiece], in *Drevnerusskoe hudozhestvennoe shit'e*. Moscow: Avangard Press, 1995. P. 39–53. (In Rus.).

Mashtafarov, A.V. Sinodik Konevskogo Bogorodickogo Rozhdestvenskogo monastyrja XVI v. [Synodic Book of Konevitsa Nativity Monastery, 16th century], in *Vestnik cerkovnoj istorii*. 2014. Vol. 3–4 (35–36). P. 5–30. (In Rus.).

Nora, P. et al. *Francija-pamjat'* [France-memory]. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo SPbGU Press, 1999. 328 p. (In Rus.).

Petrov, A.S. Grupa pamjatnikov novgorodskogo shit'ja srediny XVI veka. K voprosu ob atribucii vyshivok «masterskoj Nastas'i Ovinovoj» [A group of monuments of Novgorod embroidery from the middle of the 16th century. On the attribution of embroideries “Nastasya Ovinova's workshop”], in *Gos. istoriko-kul'turnyj muzej-zapovednik «Moskovskij Kreml'»*. *Materialy i issledovanija*. Moscow: Moskovskij Kreml Press, 2012. Vol. 21. P. 251–264. (In Rus.).

Pimen (Gavrilov), arhimandrit. *Bogorodice-Rozhdestvenskij Konevskij monastyr'*. *Opisanie* [Konevitsa Monastery of the Nativity of the Virgin Mary. Description]. Saint-Petersburg: [without name of publisher], 2010. 88 p. (In Rus.).

Pyhät kuvat. Ortodoksinen kirkkomuseon taidearteita. Kuopio: Kustannuskiila OY, 1985. 124 p. (In Fin.).

Razrjadnaja kniga 1475–1598 gg. [The book of ranks of 1475–1598]. Moscow: Nauka Press, 1966. 614 p. (In Rus.).

Reflections of the Imperial Court. Mementoes and Gifts of the Czars from the Monasteries of Ladoga Lake. Helsinki: PunaMusta, 1989. 77 p.

Voskresenskaja, A.E. Muzej Konevskogo Rozhdestvo-Bogorodichnogo muzhskogo monastyrja v 30-e gody XX veka [Museum of Konevitsa Nativity Monastery in the 1930th], in *Vestnik Ekaterinburgskoj duhovnoj seminarii*. 2019. Vol. 1 (25). P. 134–154. (In Rus.).

Vozrozhdenie Konevskoj obiteli [Revival of Konevitsa Monastery]. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo LOGOS Press, 2005. 111 p. (In Rus.).

Zhitie prepodobnogo Arsenija Konevskogo chudotvorca [Life of St. Arseny of Konevitsa the Wonderworker]. Saint-Petersburg: Bel'veder Press, 2002. 76 p. (In Rus.).